

А. Н. Воронко

Петроградские музеи как инструмент возрождения мегаполиса. 1920-е гг.

В статье проанализированы тенденции развития научно-технических и научных музеев Петрограда в 1920-е гг. на примере трех вновь созданных музеев: Музея морского транспорта и портов, Торгового музея и музея «Север». Рассмотрены история создания, структура и концепции, социальная роль, вклад в восстановление экономики города в период нэпа.

Ключевые слова: научно-технические музеи, научные музеи, «полезный музей», культурное наследие, социальная роль музея

Aleksandr N. Voronko

Petrograd museums as a tool for the revival of the metropolis. 1920s

The article analyzes the trends in the development of scientific, technical and scientific museums in Petrograd in the 1920s. On the example of three newly created museums: the Museum of Maritime Transport and Ports, the Trade Museum and the museum «North». The history of creation, structure and concepts, social role, contribution to the economic recovery of the city during the nep period are considered.

Keywords: scientific and technical museums, scientific museums, «useful museum», cultural heritage, social role of the museum

DOI 10.30725/2619-0303-2021-2-18-24

XXI в. поставил музеи перед дилеммой либо оставаться классическими хранилищами исторических артефактов, либо превратиться в востребованный социальный институт современного общества. Большинство исследователей, обращаясь к проблеме роли музеев в современном обществе, склонно видеть перспективу их развития либо как стимул к восстановлению исторических зданий, превращения старых урбанистических объектов в общественное пространство, либо как трансформацию в культурно-просветительные центры, площадки для диалога широкого круга специалистов и т. п. [1]. На поиски новой модели музея направлены и усилия благотворительного фонда Владимира Потанина. Проекты последних лет – «Музей как двигатель экономики» или «Музей как двигатель развития территорий» [2] – показывают направление, которое фонд считает предпочтительным, продвигая идею, когда музей стремится эволюционировать к многофункциональному центру общественной жизни, меняющему пространство регионов не только в рамках культурно-досугового направления, но и социально-экономического.

Поиск концепций новых моделей развития музеев часто повторяет забытый опыт прошлого. И это в равной мере относится ко

всем названным идеям. Такие проекты были характерны для Петрограда в 1920-е гг. Это время музейного строительства в Северной столице называют музейным бумом, которое породило устойчивый культурологический бренд – «город-музей, город музеев». В период острой политической нестабильности петроградская интеллигенция предложила новые музейные проекты, направленные на восстановление народного хозяйства города и всего Северо-Западного региона. Все, что происходило с Петроградом в годы Первой мировой войны, революции и продолжившейся Гражданской войной, нашло свое отражение в социально-экономическом упадке. К 1920 г. Петроград лишился более трети своего населения и потерял статус города-миллионера [3, с. 109]. Наибольшие потери понесла промышленность, которая была ориентирована на импортный уголь и сырье. После введения нэпа впервые появилась кустарная промышленность. Изменилось и социальное лицо города. Самыми распространенными профессиями стали: конторщики, бухгалтеры, катали и грузчики, сапожники и преподаватели учебных заведений [4, стб. 229–230]. Город сохранил статус центра образования, остался ведущим научным, но потерял статус крупного промышленного и торгового центра. Оживление экономики на-

чалось с Петроградского порта, в который после снятия блокады и восстановления торговых отношений с Западной Европой все чаще заходили иностранные суда.

Не углубляясь в экономическую теорию, заметим, что, согласно мнению теоретиков-экономистов, основное производство всегда влечет формирование вспомогательных и обеспечивает поэтапное развитие экономических блоков [5]. В 1920-е гг. обозначенные положения были хорошо известны в научных кругах, поскольку опирались на мнение английского экономиста Альфреда Маршалла (1842–1924). Для Петрограда таким ведущим звеном мог стать торговый порт. Это был единственный советский порт на Балтике, развитие которого давало надежду на экономическое возрождение и города, и страны. Предложенные музейные проекты должны были способствовать реализации этой идеи. В одном делали ставку на поддержку кустарного производства всего Северо-Западного региона, что создавало условия для экспорта, и ставили задачи научных изысканий и подготовку крупных проектов по использованию природных богатств Севера, в первую очередь Печерского угольного бассейна и Ухтинской нефти. Два других музейных проекта ориентировались на развитие международной торговли.

В 1919 г. при вновь созданном Петроградском (Ленинградском) отделении Института экономических исследований НКФ СССР был организован музей-выставка «Север». О самом институте ряд статей опубликовал А. Л. Дмитриев, но о музее только упомянул [6; 7], хотя тот благополучно просуществовал до 1926 г. и числился на правах отдела института [8, л. 338]. Учреждения располагались в разных зданиях (музей по адресу: проспект 25 Октября (б. Невский), 23; институт – в доме 42), и находились в разном подчинении. Музей получал финансирование из Наркомпроса, институт финансировал Наркомфин.

Для разработки концепции в 1919 г. была создана специальная рабочая коллегия. Программа музея изложена в брошюре «Народно-хозяйственный музей-выставка «Север» [9]. Структура предполагала шесть отделов: путей сообщения и колонизации, сельскохозяйственный (земледелие, животноводство, рыбоводство, лесного хозяйства), отдел утилизации водных сил и торфа, горный и горнозаводской, промышленно-обрабатывающий, статистики и демографии. Заведующим был избран профессор Семен Леонидович Рашкович (1874–1938). С музейным делом он был знаком, поскольку, будучи директором Санитарно-технического института, создал и заведовал музеем санитар-

ной техники, расположенным в снимаемом им доме на Невском пр., 23, где позже разместится и музей «Север».

Успех деятельности музея С. Л. Рашкович видел в том, что к его работе «удалось привлечь энергичных лиц» [8, л. 449]. Среди организаторов некоторые имели опыт подобной деятельности: Владимир Яковлевич Курбатов (1878–1957) – личность в музейном мире известная как один из основателей Музея Старого Петербурга; Михаил Васильевич Новорусский (1861–1925) в июле 1917 г. занял пост директора Сельскохозяйственного музея, до этого заведовал Подвижным музеем Русского технического общества; академик Александр Евгеньевич Ферсман (1883–1945), который еще в 1918 г. опубликовал статью «О необходимости научного института хозяйственного изучения России», возглавлял Минералогический музей и с 1921 г. вел в нем кружок по геохимии, который его участники оценивали как университет [10, с. 49–50].

Отделы возглавляли специалисты. В частности, отдел путей сообщений и коммуникаций возглавил Владимир Владимирович Арнольд (1878–1943) – инженер-путеец, избранный в 1920 г. профессором и в 1922 г. ректором Института путей сообщения, в котором преподавал со дня его окончания. Горнопромышленный отдел – Александр Николаевич Тихонов (1880–1956), по образованию – горный инженер, по роду деятельности – издатель. С 1920 г. – директор издательства «Всемирная литература», ранее в 1917–1918 гг. редактор газеты «Новая жизнь». А. Н. Тихонов был хорошо знаком с А. В. Луначарским по совместной преподавательской работе в партийной школе на Капри. Не раз приходилось ему выполнять и личные поручения В. И. Ленина. Факт, который позволяет объяснить, что проект был принят и профинансирован Наркомпросом.

В пояснительной записке коллегия по организации музея указала, что «строительство народно-хозяйственной жизни требует подробного изучения естественных богатств России». Выбор Русского Севера обосновали его полным забвением, хотя он богат ресурсами. Оживление региона, по мнению коллегии, – неотложнейшая государственная задача, от решения которой зависит дальнейшее культурное существование не только северных областей, но и Петрограда [9, с. 4].

Свое предназначение музей видел в «собирании и наглядном демонстрировании материалов по организации народного хозяйства на нашем Севере» и за границей (Швеция, Норвегия). В сферу сбора информации и обобщения опыта попадали: земледелие, лесное хозяйство,

рыбоводство, оленеводство, животноводство. Одной из основных задач музеев видел в показе состояния и успехов кустарной промышленности. Именно на кустарную промышленность уповали строители музея как на первую и реально силу экономического подъема, полагая пропагандировать готовый опыт и отдельные примеры из жизни с целью внедрения.

Не менее важным организаторы считали «наглядное демонстрирование развития <...> использования Северных водных сил в связи с организацией новых промышленных производств» [9, с. 7], изучение вопроса о использовании водных ресурсов региона для получения электроэнергии как замены каменному углю, видимо, не надеясь с одной стороны на стабильность внешнеторговых отношений для Советской Республики, и с другой – как наиболее перспективную технологию промышленного производства и условие независимости от экспорта.

Это был не совсем обычный музей, он был задуман как прикладное научное учреждение [8]. Его целевой аудиторией, по замыслу учредителей, должен был стать «широкий круг рабочего и крестьянского населения», а также заинтересованные правительственные и общественные учреждения [9, с. 10]. Идея популяризации, заложенная в концепцию музея, в корне отличалась от той, что реализовал Наркомпрос, подчиняя всю систему просвещения политическим целям. Предлагаемый тип музея в последующем в России не встречается. Научные исследования были переданы в ведение НИИ, практическое внедрение – предприятиям. Экономика страны стала развиваться как государственная и плановая.

Именно нэп и начало работы Петроградского порта в 1921 г. подтолкнули группу инициативных лиц к реализации еще одного проекта – Музея торгового мореплавания и портов. «С новой экономической политикой и переходом всего морского транспорта на коммерческие основания вопрос о дальнейшем содействии пропаганде Торгового Мореплавания и развития русского торгового флота и портов становится делом первостепенной государственной важности и в этом отношении устройство Музея Торгового мореплавания должно быть одним из главных средств [11, л. 7]», – писали строители в пояснительной записке. Музей официально был учрежден приказом 6 мая 1924 г. и находился в ведении Центрального управления морского транспорта (ЦУМОП) Народного комиссариата путей сообщения, по решению межведомственного совещания представителей ЦУМОПа и Госпароходства в

Петрограде, состоявшегося 29 сентября 1922 г. [11, л. 7]. Но первые попытки создания музея относятся именно к 1921 г., начало было положено созданием Архива и Ученой библиотеки [11, л. 9]. Для публики музей был открыт только в октябре 1925 г. [12, с. 118].

Судя по зданию, в котором организаторы предполагали открыть музей (дворец вел. кн. Александра Михайловича, набережная реки Мойки, д. 106), следует согласиться с предположением Т. С. Семеновской, отразившей деятельность музея в обширной статье, написанной как краеведческое исследование, что о возможности создания говорили еще в кругах великого князя, занимающего должность главноуправляющего торговым мореплаванием [13, с. 133]. Многие участники организационных совещаний были близки к этому ведомству. То, что идея создания подобного музея восходит к дореволюционному времени, указывали и сами организаторы, правда без упоминания имени бывшего великого князя [11, л. 7]. Дворец же был избран потому, что помещения освобождал ЦУМОП и музеем представляли 20 парадных залов. Но в 1924 г. произошел пожар, музей переехал в дом Паскевичей и имел два адреса: кроме парадных залов со стороны набережной Красного Флота, 8, рабочие комнаты находились со стороны Краской (б. Галерной) ул., 7.

Цель создания музея организаторы видели в содействии развитию «до должной высоты торгового флота». Поэтому, чтобы «обеспечить успех этому важному делу, кроме приобретения и постройки судов, по их мнению необходимо было: 1) в кратчайший срок подготовить нужный кадр лиц для обслуживания торгового флота и всех операций, связанных с ним, 2) ознакомить заграничных покупателей с достоинствами русских товаров и возможностью их транспортирования на наиболее выгодных условиях при помощи русского торгового флота, а русским отправителям товара стороны Краской (б. Галерной) ул., – дать возможность ознакомиться с условиями сбыта товаров на заграничных рынках, 3) заручиться широким сочувствием возможно большего числа граждан – важнейшему государственному делу – развитию торгового мореходства» [14, л. 3].

Музей должен был не только «собирать, хранить и демонстрировать». Предусматривалась издательская деятельность, работа информационного и справочного бюро, публичные лекции, доклады, сообщения и диспуты по вопросам, связанным с морскими перевозками. Как научно-практическое учреждение музей предполагал разрабатывать вопросы торгового мореплавания и кооперации их с другими

формами экономической жизни страны, т. е. выполнять научные работы прикладного характера. Участники совещаний разделили мнение Н. Я. Васильева – будущего директора, что музей «должен будет носить характер всероссийского органа, так в дальнейшей работе следует принимать во внимание не одно лишь Балтийское море, но и Черное, Каспийское моря, Северный Ледовитый и Великий Океаны». Петроград продолжал ощущать себя столицей, научным центром всей страны.

Столь широкие задачи музея, заложенные в проект, отразились на его структуре. Первоначально предполагалось создать шесть отделов: кораблестроения, кораблевождения, оборудования портов, профессиональных условий быта моряков, грузовой (товарный), перегрузочный. В последующем в структуру включили отделы: портовый, водолазный и судоподъемный, ледокольный, морского спорта, мореходного образования, отдел океанографии, гидрографии и гидрометеорологии. Понимая, что энциклопедический подход в сложившихся условиях реализовать не удастся, организаторы приняли решение сосредоточиться на «тех морских путях, которые имеют наибольшее в данный момент значение для экономического возрождения, и в частности Балтики» [14, л. 6].

Музей отстаивал идею автономии, ориентируясь на организационную практику музеев Академии наук и университетов. В первом положении управление возлагалось на независимый Совет [14, л. 3 об.]. Только Совет обладал правом управления всей деятельностью, создавая особые инструкции.

В 1928 г. музей подвергся реконструкции. Были внесены существенные изменения в соответствии с новым пятилетним планом в экспозицию, которая должна была «показать деятельность и достигнутые успехи за революционное время, при советской власти». В 1928 г. еще был сохранен научно-исследовательский отдел. Конец первоначальному замыслу положил арест в 1930 г. Н. Я. Васильева и ряда сотрудников – членов Совета – Н. И. Берлинского, М. М. Домерщикова.

Особое внимание уделялось развитию недавно открытого отдела историко-революционного и быта моряка. Он носил чисто агитационный характер. Планировалось представить два макета: кубрик старого корабля и вновь строящихся судов. Эпоха забастовок от 1905 г. до февраля 1917 г. должна была быть отражена воззваниями, брошюрками, листовками, уставами профсоюзов и забастовочных касс, газетами. Февральская революция – документами и фотографиями. Завоевания Октябрьской революции

в области торгового флота – декретами, фотографиями, диаграммами, графиками, портретами вождей. Изобилие плоскостного материала в корне отличало старую экспозицию от новой. Были включены новые героические сюжеты – вывод судов из Гельсингфорса в 1918 г., гражданская война на Черном и Каспийском морях «во время английского владычества и белой банды», ледовый поход ледоколов «Малыгин» и «Красин». Модель торгового флота в боевой готовности была представлена вооруженным пулеметами и мелкими орудиями торговым судном как «образцом вооруженного переоборудования для обороны СССР в военное время». Столь же невыразительным, но информативным был и учебный отдел. Учебные планы, программы, пособия. Отдельно материалы по общественно-политическому воспитанию – схемы общественных организаций, отчеты кружков, красных уголков, кабинетов по обществоведению, стенгазеты, правила внутреннего распорядка. В то же время создаваемый отдел физической географии был представлен гидрологическими и метеорологическими приборами и рельефной панорамой дна. Новым был отдел морского спорта. Его пытались сделать более разнообразным, хотя не обошлось без чертежей, рисунков, документов, но преобладали модели, образцы оборудования, снастей [15, л. 9–10, 17–18].

Такой тип музея (в его первоначальном замысле), как и музей «Север», оказался невостребованным. Хотя все организаторы были убеждены, что музей не должен быть скучным для любой категории посетителей, «важнее всего, – утверждал Н. И. Беклимишев еще на организационных совещаниях, – чтобы музей носил не статический, а динамический характер» [14, л. 6 об.]. И по заявленным принципам создавалась экспозиция. Тем не менее, в 1932 г. музей был вновь реформатирован, сменил название на «Музей водного транспорта», концепцию и переподчинен Наркомводу.

В 1922 г. по инициативе заместителя председателя Торговой палаты Ипполита Николаевича Маковецкого (? – 1925) был организован Областной музей внешней торговли (или Торговый музей) «с целью содействовать развитию внутренней и внешней торговли и промышленности». Музей находился в здании Биржи на стрелке Васильевского острова. Выставочные залы занимали четыре комнаты на 3-м этаже. Первым директором в 1922–1926 гг. был Даниил Васильевич Каврайский (1868 – после 1931). До революции – действительный статский советник, чиновник особых поручений Министерства финансов, член Русско-Итальянской торговой палаты [16; 17].

В задачи музея входило создание постоянной и временных выставок образцов товаров и изделий; информационное обеспечение предлагаемых товаров – формирование картотеки каталогов товаров, прейскурантов, специальных изданий, проведение докладов и лекций с обязательным показом процесса производства, с этой целью предполагалось использовать кинематограф. Структура музея была подчинена его основной задаче – показать объекты биржевых сделок для наглядного ознакомления [18, с. 20]. Этим целям служили отделы экспортно-импортных товаров и кустарной промышленности. Первый представлял образцы товаров, которые предлагались для закупок зарубежными фирмами. В основном это были фирмы Германии и Голландии – обувь и галантерея невысокого качества. Металлургическая промышленность была представлена Винковицкими заводами Чехословакии [18, с. 23]. К экспорту Советская Республика предлагала пушнину и сельскохозяйственную продукцию (зерно, лен, кофе-суррогат, мыло), а также древесину, художественный и технический фарфор, спичечные изделия, специально изготовленные для экспорта [18, с. 24]. Стремясь сделать экспозицию более выразительной, в отделе экспортно-импортных товаров были представлены изделия мастерских Академии художеств – мозаичные камни различных цветов и оттенков. Отрасль не имела большого экономического значения, но в ней Россия была монополистом [18, с. 21]. Во втором отделе были представлены изделия местных кустарей и их объединений в лесной и деревообрабатывающей, ткацкой, металлообрабатывающей, валяльной, кожевенной, гончарно-керамической, художественной, кружевной и т. п. Развитие подсобных ремесел было вызвано разрухой на производстве, кустари заполнили своими изделиями голодающий рынок. Показанные на зарубежных выставках в Кенигсберге, Риге, Гельсингфорсе лучшие образцы были представлены на экспозиции [18, с. 25]. Отдел конкурентных товаров организован был только в 1924 г. и представлял образцы тех иностранных товаров, которые вытеснили российские на международном рынке за период войны и революции (ткани английской мануфактуры, сафьян) [18, с. 18]. Отдел должен был продемонстрировать, что причина больших потерь советской торговли изделиями текстильной промышленности и кожевенного производства лежит не в сфере технологического производства, а во внешнеполитических отношениях.

С целью показать возможности Петроградского порта в обслуживании бесперебойной торговли в музее были выставлены карты изме-

нения ледяного покрова в Финском заливе по полумесячным периодам (на основании средних данных за период с 1888 г. по 1913 г.), витрина со снимками, иллюстрирующими работу ледоколов во льдах [18, с. 19, 20]. Это одна из ведущих тем музея, и задача была показать, что порт может работать круглогодично, что существенно повышало статус Товарной биржи. Подавляющее число экспонатов музея – диаграммы, планы, карты, фотографии, рассказывающие о работе порта и биржи, делали экспозицию информативной, но маловыразительной. Тем не менее музей пользовался успехом.

Экскурсия на Товарную биржу была организована так, чтобы не только осмотреть музей и само здание, но и живую познакомиться с ее работой. Хотя во время биржевого собрания (с 12 до 14 часов) в зал экскурсии не допускались, все происходящее можно было наблюдать прямо из залов музея, с третьего этажа. Целиком была видна часть зала второго этажа, отведенная для собраний фондовой биржи и часть помещения товарной биржи (в здании работали две смежные организации). Были видны столы маклеров и телефонные будки, предназначенные для членов биржи и ход всех операций. В брошюре А. З. Горбовского [18], в которой приведен полный текст экскурсии-лекции для студентов Коммунистического университета им. т. Зиновьева, особо отмечено, что студенты могли наблюдать работу маклеров, изучать технологии и приемы, входить в профессию, анализировать конкретные решения реально работающего производственного организма. Такое расположение музея, «вписанного» в реально действующее предприятие делало его «живым».

Музеи всего мира работают по схеме: коллекционирование, хранение, коммуникация, при этом каждая страна в силу влияния национальных особенностей, воздействующих на социальные институты, создает свою социальную модель музея. Это не исключает бытования одновременно классических европейских моделей или близких к ним, поскольку именно в Европе впервые возникает практика создания публичных музеев и они становятся эталоном общественно признанных учреждений. Наиболее ярким и до сего дня востребованным примером музея «нового» типа, музея отражающего потребности нации, может служить американский опыт «полезного музея», выдвинутого Дж. Дана [19, с. 81–85] в конце XIX – начале XX в. Дж. Дана отверг классические европейский музей, поскольку предметы иностранного происхождения не имели никакого отношения к истории американского народа и не несли в себе воспитательного и образовательного начала, что, по

его мнению, противоречило основному предназначению общественного музея, содержащегося на деньги налогоплательщиков и спонсоров.

Свою социальную модель музея, отражающую прагматический подход, создали и в России. В стране, где процесс формирования гражданского общества развивался с конца XIX в., усилия интеллигенции, страдавшей комплексом вины перед народом и стремившейся отдать долг всеми возможными средствами, были направлены на просвещение, что, по их мнению, было залогом обустройства достойной жизни народа. Сферы просветительской деятельности охватывали как распространение элементарной грамотности населения, так и специальные знания в области сельского хозяйства, промыслов, кооперации, медицины и ветеринарии и т. п. Одним из инструментов просвещения стал музей. Экспонаты таких музеев не были шедеврами, они несли в себе информационную и воспитательную нагрузку. Заметим, что Петербург обладал в организации таких музеев рядом преимуществ. Здесь было больше энтузиастов. Поэтому в списке музеев, доступных городскому обывателю был Музей пчеловодства и Музей глиноведения, Примерный областной земский музей наглядных учебных пособий и Музей по детской гигиене Союза борьбы с детской смертностью. Список этот можно продолжить. Для всех музеев характерным было то, что их создавали специалисты и их программы были научно-обоснованы. Еще одной особенностью Петербурга было немалое влияние на новые музеи академических музеев, находящихся в ведении Академии наук. Старейшие музеи страны служили образцами для подражания. Перенимали организационную структуру, систему управления, (коллегиальное управление во главе с Советом музея) и организацию научной деятельности силами самого учреждения.

Эти подходы найдут отражение в организации и деятельности музеев, создаваемых научным сообществом Петрограда в первые годы нэпа. В состав музеев входили специализированные научные библиотеки, архивы, справочные бюро, задачей последних было распространение научных наработок музея – справок, рекомендательных списков, популярных брошюр, просветительных плакатов. Кроме научных задач, музеи занимались вопросами профориентации. Профессиональное образование в Петербурге до революции было представлено в основном работами Русского технического общества, деятельность которого к началу 1920-х гг. была уже свернута. Музей морского транспорта и портов выполнял важную функцию пропаганды профессий, связанных с морем,

профессий о которых не имела ни малейшего представления крестьянская молодежь, стекавшаяся в Петроград в 1920-е гг. Торговый музей благодаря квалифицированным экскурсоводам, специалистам в области торговли, de-facto был институтом международной торговли.

Жизнь этих музеев оказалась недолговечной. Их концепции не были приняты руководством Главнауки, по мысли которого музеи должны были решать в первую очередь задачи политпросвета, о чем красноречиво свидетельствует перестройка экспозиции Музея морского мореплавания и портов.

Музей определяют как хранителя культурного наследия, где экспонаты являются образцами культурного наследия. Но и сам музей, «конкретный» музей с его коллекциями, с его практической деятельностью может и должен быть отнесен к объектам культурного наследия. Это часть духовной культуры. Опыт исканий, примеры служения обществу у каждого музея при всей повторяемости музейных практик оригинальны, отражают эпоху и культуру того времени и региона, где и когда он осуществляет свою миссию. Это в полной мере можно отнести к музеям Петрограда/Ленинграда 1920-х гг.

Список литературы

1. Калядина И. С. Стратегия продвижения современного музея как культурно-социального феномена и одного из факторов развития территорий // Инновационная наука. 2015. № 10. С. 224–225.
2. Музей как двигатель развития территорий // Благотворительный фонд Владимира Потанина: сайт. URL: <https://www.fondpotanin.ru/press/news/muzey-kak-dvigatel-razvitiya-territoriy/> (дата обращения: 15.02.2021).
3. Автократов В. Н., Вельмицкий В. Г., Итенберг Б. С. и др. Исторический очерк // Ленинград: энцикл. справочник. М.; Л.: Гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1957. С. 19–142.
4. Петроград в цифрах // Весь Петроград: адрес. и справоч. кн. на 1922 г.: ч. 1 / под ред. А. И. Гессена и Я. В. Лившица. Петроград: Изд-во «Петроград», 1922. Стб. 225–232. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020004/view/> (дата обращения: 12.02.2021).
5. Карпова Е. Г. Сущность и структура экономического кластера // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2011. № 2. С. 62–67.
6. Дмитриев А. Л. Ленинградское отделение Института экономических исследований НКФ СССР: страницы истории // Россия в XX веке: сб. ст. к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН, проф. Валерия Александровича Шишкина. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 47–59.
7. Дмитриев А. Л. Ленинградское отделение Института экономических исследований НКФ СССР: труды и люди // Финансы и бизнес. 2015. № 3. С. 138–151.

8. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4237. Оп. 1. Д. 4.

9. Народно-хозяйственный музей-выставка «Север» и его задачи. Петербург, 1919. 16 с.

10. Перельман А. И. Александр Евгеньевич Ферсман, 1883–1945: «поэт камня»: история совет. геохимии через призму биографии ее основателя. Изд. 3-е. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2017. 270 с.

11. ЦГА СПб. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 1.

12. Наука и научные работники СССР: справочник. Ленинград, 1926. Ч. 2: Научные учреждения Ленинграда. 406 с.

13. Семенова Т. М. Музей торгового мореплавания и портов, 1922–1944 гг. // Промышленный Петербург и музейное строительство на рубеже тысячелетий: материалы конф. 22 янв. 2002 г. / сост. Н. В. Александрова, В. А. Фролов. СПб.: Гос. музей истории Санкт-Петербурга, 2002. С. 133–149. (Труды Государственного музея Санкт-Петербурга; вып. 7).

14. ЦГА СПб. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 3.

15. ЦГА СПб. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 3.

16. Даниил Васильевич Каврайский. URL: <https://www.geni.com/people/Даниил-Каврайский/6000000083264674305> (дата обращения: 12.02.2021).

17. Волков С. Высшее чиновничество Российской империи: краткий слов. URL: <https://iknigi.net/avtor-sergey-volkov/133517-vysshee-chinovnichestvo-rossiyskoy-imperii-kratkiy-slovar-sergey-volkov/read/page-1.html> (дата обращения: 13.02.2021).

18. Горбовский Л. З. Экскурсия на Биржу. Л.: Прибой, 1924. 32 с.

19. Ананьев В. Г. История зарубежной музеологии: идеи, люди, институты. М.: Памятники ист. мысли, 2018. 390 с.

References

1. Kalyadina I. S. Strategy of promotion of the modern museum as a cultural and social phenomenon and one of the factors of territorial development. *Innovative Science*. 2015. 10, 224–225 (in Russ.).

2. Museum as an engine of development of territories. Vladimir Potanin Charitable Foundation: website. URL: <https://www.fondpotanin.ru/press/news/muzey-kak-dvigatel-razvitiya-territorii/> (date of access: Febr.15.2021) (in Russ.).

3. Avtocratov V. N., Velimitsky V. G., Itenberg B. S., et al. Historical sketch. Leningrad: encycl. ref. bk. M.; L.: State sci. publ. house «Great Soviet Encyclopedia», 1957. 19–142 (in Russ.).

4. Petrograd in figures. All Petrograd: address and ref. bk. for 1922: p. 1 / ed. A. I. Gessen, J. V. Livshits. Petrograd: Publ. house «Petrograd», 1922. 225–232. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020004/view/> (accessed: Febr.12.2021) (in Russ.).

5. Karpova E. G. The essence and structure of the economic cluster. *Saint Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2011. 2, 62–67 (in Russ.).

6. Dmitriev A. L. Leningrad branch of the Institute for Economic Research of the NKf USSR: pages of history. Russia in the XX century: coll. of art. to the 70th anniversary of the birth of corr. mem. RAS, prof. Valery Alexandrovich Shishkin. SPb.: Nestor-History, 2005. 47–59 (in Russ.).

7. Dmitriev A. L. Leningrad Branch of the Institute of Economic Research of the NKf USSR: Works and People. *Finance and Business*. 2015. 3, 138–151 (in Russ.).

8. Central State Archive of St. Petersburg (CSA of Saint-Petersburg). F. 4237. Op. 1. D. 4 (in Russ.).

9. National Economic Museum-Exhibition «North» and its tasks. Petersburg, 1919. 16 (in Russ.).

10. Perelman A. I. Alexander Yevgenyevich Fersman, 1883–1945: «the Poet of stone»: the history of Soviet geochemistry through the prism of the biography of its founder. M.: URSS: LENAND, 2017. 270 (in Russ.).

11. CSA of Saint-Petersburg. F. 2840. Op. 1. D. 1 (in Russ.).

12. Science and scientists of the USSR: a ref. bk. Leningrad, 1926. P. 2: Scientific institutions of Leningrad. 406 (in Russ.).

13. Semenova T. M. Museum of Merchant Shipping and Ports, 1922–1944. Industrial Petersburg and museum construction at the turn of the millennium: materials of the conf. Jan. 22. 2002 / comp. N. V. Aleksandrova, V. A. Frolov. SPb.: State. Museum of the History of Saint-Petersburg, 2002. 133–149. (Proceedings of the State Museum of Saint-Petersburg; issue 7).

14. CSA of Saint-Petersburg. F. 2840. Op. 1. D. 3 (in Russ.).

15. CSA of Saint-Petersburg. F. 2840. Op. 1. D. 73 (in Russ.).

16. Daniil Vasilievich Kavraiski. URL: <https://www.geni.com/people/Daniil-Kavraiski/6000000083264674305> (accessed: Febr.12.2021) (in Russ.).

17. Volkov S. Higher bureaucracy of the Russian Empire: short dict. URL: <https://iknigi.net/avtor-sergey-volkov/133517-vysshee-chinovnichestvo-rossiyskoy-imperii-kratkiy-slovar-sergey-volkov/read/page-1.html> (accessed: 13.02.2021) (in Russ.).

18. Gorbovsky L. Z. Excursion to the Stock Exchange. L.: Priboy, 1924. 32 (in Russ.).

19. Ananyev V. G. History of foreign museology: ideas, people, institutions. M.: Monuments of historical thought, 2018. 390 (in Russ.).